

Канищев Валерий Владимирович

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1920-1921 ГГ.

В статье предпринимается попытка оценить нынешнее состояние изученности темы Тамбовского восстания 1920-1921 гг., предложить коллегам некоторые направления и методы возможной дальнейшей работы, особенно использование современных информационных технологий. Автор приходит к заключению о явно недостаточном научном исследовании темы, о незнании многими авторами крупных публикаций историков, неполном использовании уже опубликованных документов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 2. С. 40-44. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. Ацюковский В. А., Ермилов Б. Л. Краткий политологический толковый словарь. М., 2003. 37 с.
2. Боярский В. И. Партизанская война: история утерянных возможностей / под общ. ред. А. Е. Тараса. М., 2001. 301 с.
3. Гарт Т. Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005. 461 с.
4. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2-х кн. М., 1986. Кн. 2. 397 с.
5. Данилов В., Брончуков М., Дьячков В., Есиков С., Канищев В., Протасов Л. Введение // «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 3-18.
6. Жупилова Е. Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920-1925 годах // Академия исторических наук. Сборник трудов. М.: Академия исторических наук, 2007. Т. 1. С. 114-319.
7. Киреев А. А. Политический бандитизм в Приморье 20-х – начала 30-х гг. XX в. // Вестник Морского государственного университета. Общественные науки. Владивосток, 2005. Вып. 8. С. 79-90.
8. Кукушкин В. Л. Армейское и трудовое дезертирство в среде вологодского крестьянства в 1919-1921 годах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/3vo/log/da/6.htm#15> (дата обращения: 28.03.2017).
9. Ленин В. И. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55-ти т. М., 1970. Т. 39. С. 151-159.
10. Минаев В. Подрывная работа иностранных разведок в СССР / под ред. И. Ерухимовича. М., 1940. Ч. 1. 216 с.
11. Савченко В. Атаманы казачьего войска. М., 2006. 410 с.
12. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939: документы и материалы: в 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000. Т. 1. 1918-1922 гг. 864 с.
13. Советы Тамбовской губернии в годы Гражданской войны 1918-1921 гг.: сборник документов и материалов. Воронеж, 1989. 378 с.
14. Соловьев В. М. Актуальные вопросы изучения народных движений // Отечественная история. 1991. № 3. С. 130-145.
15. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М.: Военный университет; Русский путь, 2005. 696 с.
16. Шадский О. Г. Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918 – лето 1920). «Предантоновщина»: дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2000. 244 с.
17. Янель З. К. Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР. 1982. № 5. С. 88-101.
18. Figs O. Peasant Russia, Civil War: the Volga Countryside in Revolution (1917-1921). Oxford, 1989. 432 p.
19. Hobsbawm E. J. Primitive Rebels. Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th Centuries. Manchester, 1959. 202 p.
20. Peasant Rebellion and Communist Revolution in Asia / ed. J. Wilson Lewis. Stanford, Calif., 1974. 364 p.
21. Taylor W. B. Banditry and Insurrection: Rural Unrest in Central Jalisco, 1790-1816 // Riot, Rebellion, and Revolution: Rural Social Conflict in Mexico / ed. by F. Katz. Princeton, 1988. P. 205-246.

TAMBOV REBELLION OF 1920-1921 FROM THE VIEWPOINT OF TERMINOLOGY

Ivanov Dmitrii Pavlovich, Ph. D. in History
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
eskadron.stk@mail.ru

In the article for the first time in historiography an attempt of comprehensive consideration of Tambov rebellion of 1920-1921 from the point of view of terminology is made. Unlike previous works, in this research the main stages of the peasant movement in Tambov province in 1920-1921 are identified and determined in accordance with the current state of science and their detailed description is given. As a result of the conducted research, the terminological apparatus of Tambov rebellion of 1920-1921 is formed, which allows presenting a full description of the peasant movement as a whole as well as its individual stages.

Key words and phrases: The Civil War; small war; peasant rebellion; banditry; green movement; ataman movement; guerrilla warfare; rebellion.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье предпринимается попытка оценить нынешнее состояние изученности темы Тамбовского восстания 1920-1921 гг., предложить коллегам некоторые направления и методы возможной дальнейшей работы, особенно использование современных информационных технологий. Автор приходит к заключению о явно недостаточном научном исследовании темы, о незнании многими авторами крупных публикаций историков, неполном использовании уже опубликованных документов.

Ключевые слова и фразы: Тамбовское восстание 1920-1921 гг.; историография; источники; методы исследования; информационные технологии.

Канищев Валерий Владимирович, д.и.н., профессор
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
valcan@mail.ru

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1920-1921 ГГ.

В данный момент можно говорить только о начальном этапе научного изучения Тамбовского восстания. В большей мере подготовлены публикации документов, в меньшей – исследовательские работы. Даже

опубликованные документы в значительной своей части еще не проанализированы. Преобладающими остаются краеведческие публикации, которые в лучшем случае имеют научно-популярный характер.

Главное, что нужно знать любому человеку, занимающемуся изучением какой-либо исторической темы, – это степень изученности или историографию данной темы. При этом следует начинать с изучения общероссийской литературы, поскольку любые региональные события являются частью истории страны в целом.

Я напоминаю тривиальные для профессиональных историков вещи потому, что многие пишущие о Тамбовском восстании 1920-1921 гг. зачастую абсолютно не учитывают историографию этой темы. Такое незнание приводит к крайне упрощенным выводам. У многих современных авторов получается просто перестановка знаков в оценках данного исторического события. Если в советское время оно оценивалось только отрицательно, то ряд нынешних историков и краеведов упрощенно меняет минус на плюс, забывая, что в гражданской войне не бывает героев, бывают только жертвы этих суровых обстоятельств.

Позволю себе напомнить, что даже главные «подавители» Тамбовского восстания М. Н. Тухачевский, В. А. Антонов-Овсеенко, Б. А. Васильев погибли в репрессиях конца 1930-х гг., когда по-новому оценивались события Гражданской войны в СССР. Отсутствие у местных властей и краеведческой общественности четких исторических знаний приводит к путанице в решении историко-мемориальных вопросов. Так, в Тамбове переименована ул. Антонова-Овсеенко, но на карте остаются улицы Бориса Васильева и Уборевича (заместителя Тухачевского в Тамбове).

Дело не только в незнании проблемы, но и в отсутствии у многих авторов концептуальных представлений о ее месте в российской истории. С 1990-х гг. большинство историков признает концепцию аграрной революции в России 1902-1922 гг. как борьбу крестьян за захват помещичьей собственности, а затем удержание ее в своих руках. В рамках этой концепции историки считают, что крестьянские восстания 1918-1922 гг. были частью завершающего этапа аграрной революции, борьбой за сохранение завоеваний крестьянского движения конца 1917 – начала 1918 г. Применительно к Поволжью 1920-1922 гг. известный современный историк-аграрник В. В. Кондрашин пишет, что на этом этапе крестьянство обороняло свое главное стратегическое завоевание – право быть хозяином на своей земле – от посягательств на него государства [11, с. 78]. Эти слова вполне подходят и для характеристики Тамбовского восстания.

Многие авторы не учитывают того, что одновременно с Тамбовским восстанием крестьянское протестное движение происходило на огромной территории от юга Украины до Западной Сибири. С другой стороны, важно учитывать, что в этот же период почти не было массовых крестьянских выступлений в нечерноземных потребляющих губерниях Европейской России. В связи со всем этим возникает много пока не разрешенных вопросов.

В первую очередь возникает вопрос о том, почему, казалось бы, «глобальные» природно-демографические кризисы традиционного аграрного общества не по всей Европейской России приводили к массовой крестьянской агрессии против власти [5]. Мы пока не знаем, насколько совпадали эти кризисы в европейской и азиатской частях страны, хотя крестьянские восстания в них проходили одновременно.

Более того, пока до конца не объяснено, почему крестьянское восстание в 1920-1921 гг. происходило не на всей территории Тамбовской губернии. В. Л. Дьячков сформулировал очень интересное положение о «демографических мешках» в Тамбовской губернии начала XX в. в районах социально-демографической замкнутости, которая рождала повышенную агрессивность. Но ведь и внутри этих «мешков» оказались поселения, которые не принимали участие в Тамбовском восстании. Возникает и вопрос, связанный с особенностями проявления неблагоприятных для земледелия погодных условий, вопрос о том, почему на территории губернии голод часто, в том числе и в 1920-1922 гг., проявлялся «локальными пятнами», по-разному даже в соседних поселениях. Значит, дело было не только в социоестественных факторах.

Только на уровне предположений тамбовскими историками решается вопрос о напряженном ожидании крестьянами губернии назревавшего в 1920 г. недорода как социально-психологической предпосылке восстания. Между тем есть хорошие образцы изучения данной проблемы на материалах соседних губерний [2].

Нерешенным остается вопрос о политической природе крестьянского протеста 1918-1922 г. Никто из серьезных историков не отрицает антибольшевистскую направленность тамбовских восстаний этого периода. Но эту оценку нужно уточнять. В. П. Булдаков еще в 1990-е гг. писал, что социальная борьба крестьян развивалась в неполитическом измерении [3, с. 105]. В. В. Кондрашин считает, что антикоммунистическую направленность крестьянских восстаний периода Гражданской войны следует понимать в узком смысле как сопротивление «военному коммунизму» [11, с. 148]. О. А. Сухова развивает его мысль, говоря о единстве уравнительного «общинного архетипа» и коммунистической идеологии, т.е. невозможности абсолютного противопоставления крестьян и коммунистов [16, с. 126]. Очень интересный факт привел воронежский историк А. Разиньков, который писал о том, что в период восстания Колесникова повстанцы не трогали портреты вождей коммунистической революции Ленина и Троцкого, как и красные флаги [13, с. 43].

При этом нельзя забывать о том, что подобные восстания в годы Гражданской войны проходили и на тех территориях, где не было власти коммунистов (против Скоропадского и УНР на Украине, против Комуча в Поволжье, против Деникина на Дону и Среднем Кавказе, против Колчака в Сибири и т.д.). Предположительный обобщенный ответ находится в том, что повсеместно традиционное крестьянство в силу своей исторической природы боролось с любой властью, которая чрезмерно вторгалась в его интересы. Этот феномен хорошо известен в мировой крестьяноведческой литературе. В частности, работы, касающиеся этой проблемы, опубликованы в хрестоматии «Великий незнакомец» [4], о существовании которой, к сожалению, многие краеведы просто не знают.

В связи с таким подходом к объяснению природы крестьянских восстаний возникает еще целый ряд требующих специального изучения вопросов. Если учитывать только особую антибольшевистскую направленность Тамбовского восстания, то получается, что тамбовские крестьяне были против большевиков, а, скажем, калужские, московские или владимирские, которые подобные восстания не поднимали, были за большевиков. Другими словами, русское крестьянство 1920-1921 гг. было неоднородно.

В какой-то мере это действительно было так. Прошлой осенью мы с В. Л. Дьячковым давали интервью съемочной группе НТВ, снимавшей фильм о Г. К. Жукове и, в частности, заинтересовавшейся эпизодом, который связан с участием будущего маршала в подавлении Тамбовского восстания. Первоначально у руководителя съемок С. Холошевского было мнение о том, что по происхождению калужский крестьянин Жуков как бы предал интересы крестьянства. Как мне представляется, нам удалось убедить этого тележурналиста в том, что дело было сложнее. Во-первых, Жуков уже в детстве фактически перестал быть крестьянином, занявшись скорняжным трудом в Москве. Промысловая деятельность была характерной для многих крестьян Калужской губернии, как и ряда соседних с ней губерний Центра России, еще с середины XIX в. Во-вторых, Жуков мог знать о том, что в 1918-1920 гг. тяжелое продовольственное положение его земляки поправляли путем поездок в качестве «мешочников» в хлебоборные губернии, особенно Тамбовскую. Понятно, что в такой ситуации возникало некоторое противоречие между голодающими калужскими крестьянами и торгующими излишками хлеба сытыми тамбовскими крестьянами. Поэтому для калужан и, может быть, Г. К. Жукова зажиточный тамбовский мужик был не совсем своим.

Но нужно еще разобраться с тем, до какой степени этот зажиточный мужик мог пользоваться своими относительными выгодами в 1920 г. Вероятно, в 1918-1919 гг. в условиях хороших урожаев и еще не сложившейся жесткой системы продразверстки тамбовские крестьяне имели возможность торговать излишками хлебами. В 1920 г. урожай точно был хуже, но никто точно не знает реальных масштабов сбора продразверстки в том году. В работах и историков, и краеведов приводятся только отдельные примеры непосильности этой обязанности тамбовского крестьянства. Требуется же сплошное изучение желательного подневной работы продорганов и местных властей не только губернии, но и уездов и волостей.

При изучении сюжетов, связанных с пространственными и временными показателями, в современных условиях можно и нужно использовать геоинформационные технологии. Они, говоря исходя из опыта, накопленного на историческом факультете ТГУ, позволяют существенно уточнить многие вопросы. В частности, созданные нами карты о территориальном расположении конкретных крестьянских выступлений периода «антоновщины» наглядно показывают дискретность отдельных выступлений по месяцам 1920-1921 гг., дают возможность связать их с борьбой крестьян соседних регионов.

Современные информационные технологии могут позволить и более точно решить вопрос о численности участников Тамбовского восстания. В литературе фигурирует цифра в 30-50 тыс. чел. [6; 14]. Но, учитывая партизанский характер борьбы и особенности крестьянской жизни, нужно понимать, что участие в восстании было прерывистым, не каждодневным. Для получения более-менее близких к истине данных о численности тамбовских повстанцев можно было бы составить базы данных с подневными сведениями о боестолкновениях партизан с правительственными войсками, которые достаточно широко представлены в архивах.

В последнее время в рамках проектов, инициированных саратовским историком А. В. Посадкиным, появилось немало публикаций о предводителях крестьянских выступлений. Автор этих строк также принял участие в одном из сборников по данной тематике. Я пытался призвать коллег к источниковедческой корректности, осторожному отношению к документам о «народных вожаках», особенно чекистского происхождения [9].

В том же сборнике опубликована статья М. Ю. Зайцевой, во многом основанная на документах архива Тамбовского областного управления ФСБ и даже центрального архива ФСБ [7]. Хорошо, что историки получили сейчас возможность пользоваться документами этих архивов. Но в данном случае мы имеем дело с документами, которые в значительной своей части были опубликованы в советское время в упомянутой М. Ю. Зайцевой работе Т. Самсонова и почему-то забытых ею работах А. Н. Лобозко. В данной ситуации напрашивается сравнение публикаций советского времени и хранящихся в архивах документов, что могло бы пролить свет на «чекистскую кухню» подготовки провокаций и, соответственно, выдуманных документов. Но автор публикации восприняла привлеченные ей документы без источниковедческой критики. В результате вновь «воскресло» имя Е. Ф. Муравьева, человека с очень сомнительной репутацией [1; 12]. Разбираться нужно и с личностью адвоката Д. Ф. Федорова. По данным «Адрес-календаря Тамбовской губернии на 1916 г.», в Тамбове действительно жил и работал присяжный поверенный Дмитрий Федорович Федоров. Однако неясно, как человек с такой, мягко скажем, неприемлемой для Советской власти профессией, мог спокойно жить в Тамбове и даже использоваться в чекистских операциях. Трудно поверить и в контакты повстанцев с кадетами, совершенно чуждой для них партией. Скорее, такая связь могла появиться в фантазиях чекистов.

Сомнительные моменты при неаккуратной работе с источниками возникают и в работах профессиональных историков. В частности, в статье Д. П. Иванова об окружении А. С. Антонова, И. Е. Ишин, с одной стороны, характеризуется как торгаш, с другой – приводится его мало совместимая с этим занятием революционная биография [8]. Скорее всего, причина этого противоречия состоит в недоучете различий дореволюционных жандармских документов и советских чекистских материалов. В первых, более квалифицированных, – речь идет только о революционной деятельности крестьянина И. Е. Ишина, во вторых – появляется явно «классовый» ярлык. Но создатели этого ярлыка не понимали, что для большинства крестьян, с их антибуржуазным сознанием, лидер-торгаш был неприемлем.

Вообще, для более полной и точной оценки лидеров Тамбовского восстания необходимы не только историко-исследовательская тщательность, но и выявление новых источников. В частности, важным предполагается изучение материалов процесса партии социалистов-революционеров 1922 г., по которому вроде бы проходили тот же И. Е. Ишин и другие эсеры, связанные с Тамбовским восстанием [15]. Документы этого процесса опубликованы, но практически не изучались тамбовскими историками. Предварительное знакомство с документами показывает, что по процессу проходило немало правых эсеров, связанных с Тамбовской губернией, но практически не упоминаются участники Тамбовского восстания 1920-1921 гг.

Широко не использовались историками материалы местных газет и газет воинских частей, участвовавших в подавлении восстания тамбовских крестьян. Почти не изученными остаются документы трибуналов и политорганов этих частей, которые нередко самостоятельно вели дела арестованных ими повстанцев.

Только совокупность источников разной видовой принадлежности может помочь в определении социально-политического лица отдельных участников Тамбовского восстания.

Нужен и поиск новых методов анализа этих источников. Помимо уже указанной важности использования таких информационных технологий, как создание и обработка просопографических баз данных и ГИС-технологий, отметим перспективность построения сетевых связей предводителей восстания. В свое время автор этих строк попытался это сделать при изучении окружения А. С. Антонова в 1906-1908 гг. [10]. Анализ показал его явное тяготение к «независимому» крылу партии социалистов-революционеров, стремившемуся к террористической деятельности. Судя по всему, такую «боевую» ориентацию Антонов сохранял и в послереволюционные годы, он по-прежнему не связывал себя с правыми эсерами. Вместе с тем его нельзя признать классическим народным вожаком, который руководствовался только благородными чувствами защитника крестьян. Он явно был политическим деятелем.

Многие авторы, пишущие об А. С. Антонове, не обращают внимания на то, что в самом конце 1917 – начале 1918 г. он в качестве начальника Кирсановской уездной милиции настойчиво проводил в жизнь политическое эсеровское Распоряжение № 3, не останавливаясь перед наказанием крестьян, продолжавших громить помещичьи имения. Его позиция по отношению к Советской власти с лета 1918 г. была близка к левоэсеровской, улавливала протестное отношение крестьян к «военному коммунизму». Но он политически недооценил поворот Советской власти к НЭПу. Его «подполье» в Нижнем Шибряе, откуда Антонов пытался инициировать новое восстание, оказалось политическим просчетом. Не проявил он и необходимых политических навыков при переговорах с представителями нетамбовских повстанческих отрядов, в отношениях с руководством Тамбовского губернского эсеровского комитета. Так что приходится говорить о недостаточном уровне политической прозорливости А. С. Антонова, что, впрочем, было трудно ожидать от политика среднего уровня.

Особым вопросом являются отношения А. С. Антонова с председателем Тамбовского губкома СТК Г. Н. Плужниковым, которые напоминают политическую борьбу за лидерство в Тамбовском восстании. Но Плужников вряд ли тянул на уровень политического деятеля. Для его социально-политической идентификации больше подходит статус «народного вожака». В целях более полного выяснения его облика нужно специально изучить деятельность Г. Н. Плужникова в качестве председателя Каменского волостного совета. Многие авторы не знают, что он стал таковым еще в начале 1918 г., в условиях слабых позиций большевиков в крестьянской среде. В марте 1918 г. он был делегатом I губернского съезда Советов, провозгласившего Советскую власть в Тамбовской губернии. Соответственно, Плужников должен был претворять в жизнь решения уже большевистских властей. Почему он перестал это делать летом 1920 г., а может быть, и раньше, предстоит выяснить.

В целом можно сказать, что нерешенных вопросов в научном изучении крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920-1921 гг. намного больше, чем решенных.

Список источников

1. Акульшин П. В., Пылькин В. А. Бунтующий пахарь: крестьянское движение в Рязанской области и Тамбовской губерниях в 1918-1921 гг. Рязань: Ряз. обл. ин-т развития образования, 2000. 142 с.
2. Борисов Д. А. Колесниковщина. Антикommунистическое восстание воронежского крестьянства в 1920-1921 гг. М.: Посев, 2012. 276 с.
3. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
4. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия / сост. Т. Шанин; под ред. А. В. Гордона; пер. С. А. Белова и др. М.: Прогресс, 1992. 431 с.
5. Дьячков В. Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1. С. 133-136.
6. Есиков С. А., Протасов Л. Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6-7. С. 47-57.
7. Зайцева М. Ю. За оружием! Неудавшаяся экспедиция и удавшаяся провокация // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 519-531.
8. Иванов Д. П. За спиной атамана: исторические портреты антоновского окружения // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 465-477.
9. Канищев В. В. Информационные возможности источников для изучения просопографии вожаков крестьянских протестных выступлений конца XIX – первой четверти XX в. // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: сборник статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 20-30.
10. Канищев В. В. Политическая микросреда А. С. Антонова в 1906-1908 гг. // Тезисы научной конференции преподавателей Тамбовского государственного педагогического института. Тамбов, 1994. С. 22-23.

11. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918-1922 гг. М.: Янус-К, 2001. 544 с.
12. Особое задание. Воспоминания ветеранов-чекистов / сост. И. Поликаренов. М.: Московский рабочий, 1988. 288 с.
13. Разиньков А. Правда о крестьянском восстании и красном терроре // Воронеж. 2002. № 3. С. 42-43.
14. Самошкин В. В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 360 с.
15. Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги: сборник документов / сост. С. А. Красильников, К. Н. Морозов. М.: РОССПЭН, 2002. 902 с.
16. Сухова О. А. «Бунтующая деревня»: нерегулярная война (по материалам Среднего Поволжья) // Партизанская и повстанческая борьба: опыт и уроки XX столетия. Саратов, 2009. С. 123-131.

DEBATABLE ISSUES OF RESEARCHING TAMBOV REBELLION OF 1920-1921

Kanishchev Valerii Vladimirovich, Doctor in History, Professor
Tambov State University named after G. R. Derzhavin
valcan@mail.ru

In the article the author makes an attempt to assess the current state of the research degree of the topic of Tambov rebellion of 1920-1921, and to suggest some directions and methods of possible further work, especially the use of modern information technologies, for his colleagues. Conclusion about clearly insufficient scientific study of the topic, ignorance of major publications of historians by many authors, and incomplete use of already published documents is drawn.

Key words and phrases: Tambov rebellion of 1920-1921; historiography; sources; research methods; information technologies.

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются невоенные меры борьбы большевиков против повстанческого движения крестьян. Выделяются основные направления организационно-идеологической работы, её роль в укреплении позиций РКП(б) в политической системе советского общества, отмечаются ее результаты, достигнутые к середине 1920-х гг. Показано влияние Тамбовского восстания на изменение тактики правящей партии.

Ключевые слова и фразы: Тамбовское восстание; РКП(б); некоммунистические партии; эсеры; кресткомы.

Комбарова Людмила Алексеевна, к.и.н., доцент

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета
kombaroval@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ПРОТИВ ПОВСТАНЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРИОД ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Тамбовское восстание, известное также как «антоновщина», стало ярким проявлением кризиса внутренней политики большевиков, направленной на быстрейшее внедрение основ коммунизма. Учитывая размах и ожесточенность восстания, боевые действия против повстанцев требовалось дополнить другими мерами. Наиболее радикальным решением стала смена внутренней политики, переход от продрозверстки к продналогу, от военного коммунизма – к нэпу. Но важное значение имела и организационно-идеологическая работа большевиков, развивавшаяся по трем направлениям:

- борьба с некоммунистическими партиями, которые представляли потенциальную угрозу господствующему положению РКП(б) в обществе;
- «чистка» самой РКП(б);
- идеологическая и организационная работа среди крестьянства.

В рамках реализации первого направления внимание привлекали, прежде всего, эсеры и меньшевики. В начале 1920-х гг. эти партии переживали затяжной кризис. Помимо сокращения численности и падения влияния в массах, это выражалось в отходе от партийной деятельности части активных ранее работников, как, например, М. А. Спиридоновой, в усилении оппозиционных групп и течений и организационной неразберихе. Положение осложнялось массовыми арестами членов социалистических партий органами ВЧК.

В сложившейся ситуации многие левые группы, выделившиеся из некоммунистических партий, слились с РКП(б). Этот процесс захватил и местные организации. Так, в 1920-1921 гг. в Тамбовской губернии отмечалось массовое вхождение членов партии эсеров в коммунистическую партию. Были случаи, когда эсеровская ячейка почти целиком переходила в ряды РКП(б) [4, с. 5].

Однако к концу Гражданской войны в России сохранялись еще и самостоятельные организации некоммунистических партий, в том числе в Центральном Черноземье. Так, в Воронеже в 1920 г. существовали комитет ПСР и Бюро левых эсеров-интернационалистов; специальный губернский инструктор-организатор Всероссийской федерации анархистов стремился объединить анархистские силы. Сильная эсеровская организация имела в Тамбове. С приездом в Тамбов уполномоченного ЦК ПСР Ю. Н. Подбельского произошло